

18+

Е.Ермак

Серебристая Чаша 2 часть

Е.Ермак

Серебристая чаша. 2 часть

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Е.Ермак

Серебристая чаша. 2 часть / Е.Ермак — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Автор пытается разобраться в давней трагедии, случившейся в семье знакомых. Прошло почти двадцать лет, но тайна смерти так и осталась не раскрытой. События книги являются плодом авторского воображения.

Маргарита Васильевна в приятном предвкушении встречи доехала до матери. Но несмотря на то, что о приезде Маргоши мать знала, дома ее не было. Наверное, выскочила за тортиком, подумала Маргоша и открыла дверь своим ключом. В квартире было тихо. Паркет блестел в полумраке. Белые занавески на окне в кухне слегка шевелились. Форточка была открыта. Маргарита Васильевна устала с дороги, поэтому решила не суетиться на кухне, а пойти прилечь. Как давно она не заходила в свою комнату, где прошло ее детство, где она пряталась от родительских скандалов, где зачитывалась зарубежной классикой. Обычно, если она и бывала у матери, то все время проводила или на кухне или в гостиной перед телевизором. Но сейчас ее потянуло в свою комнату. Она зашла внутрь и увидела то, что не предназначалось для ее глаз. В ее бывшей комнате был ворох вещей для младенца. Пластиковая ванночка, набор бутылочек, крохотное постельное белье, распашонки и ползунки. Маргоша почувствовала, как кровь прилила к лицу, а сердце забилось шумно и сердито. Ведь она просила мать ничего не покупать до появления ребенка на свет. Маргоша взяла с комода пинетки, которые связала ее мать, и стала плакать. Пинетки были трепетного нежного оттенка для безумно маленькой ножки. Маргарита Васильевна впервые осознала, что она беременная, что она скоро станет матерью. Она обхватила свой живот руками, стала баюкать того, кто денно и ночью заставлял ее охотиться от неожиданных и резких толчков. Горячие слезы текли по ее лицу, Маргоша слизывала их с губ. Пришла мама и увидела плачущую дочь.

—Что случилось? Чего ты реवेशь? Из-за вещей детских? Ну, прости, я не удержалась. Глупости всё это, что нельзя заранее покупать. Тебе-то я покупала и ничего: вон какая красавица и умница выросла!

—Ты обо мне что-ли, мама? Какая я тебе красавица? Я несчастна! Я жалею, что вышла замуж за этого! И не знаю, как мне с ним дальше жить!

Мать тяжело села на кровать, которая закрипела под ее весом и от старости. Неужели, они плохо живут? Может, обижает Алексей ее дочь? Но спрашивать она не хотела. Не хотела знать, даже, если это так. Она гнала от себя эти мысли. Ведь если об этом думать, то можно додуматься до того, что надо принимать какое-то решение. Маргарита Васильевна перебирала вещички для своего ребенка и удивлялась, неужели он будет таким маленьким, что ему придется в пору эти ползунки, эти хлопчатобумажные шапочки с завязками. Потом мать позвала ее на кухню пить чай.

—Может, что-то с собой заберёшь? У тебя же совсем ничего нет, а малыш скоро на свет появится.

—Нет. Ты же знаешь, как я к этому отношусь. Кстати, мой отец не объявлялся случайно? — вдруг спросила Маргоша. — Он ведь дедом станет...

Мать пожала плечами и ничего не сказала. Ясно. Вопрос не требовал ответа. Хотя Маргоше совсем не ясно, как можно потерять интерес к своему ребенку? Как можно спокойно осознавать, что кусочек тебя где-то ходит, бродит, радуется и страдает. Иногда она думала, что играй отец в ее жизни активную роль, Алексей не посмел бы себя так вести с ней. Он больше не распускал руки, не замахивался. Просто его губы превращались в узкую чёрту, когда он был недоволен. И недоволен Алексей был часто, а чем ближе приближался срок родов, тем чаще. Например, утром он устроил скандал словно базарная баба, срываясь на визг. Ему не понравилась манная каша. Маргоша задумалась на минутку и сыпанула в молоко слишком много крупы. Каша получилась с комками, густая. Маргоша перепугалась и попыталась исправить положение. Она стала лить в кашу кипячёную теплую воду и быстро размешивать, чтобы манка не расслоилась на крупу и воду. За этим скорым занятием ее застал Алексей.

—Что? Что ты делаешь?

Маргоша устало опустила на стул и молчала. Что бы она не сказала, все будет не так, все будет поводом для ссоры. Поэтому она не отвечала и ждала, когда утихнет буря. Алексей словно сам себя подзадоривал. Он и спрашивал и отвечал, карикатурно изображая возмож-

ные ответы жены. Маргоша хотела ему сказать, что актерский цех потерял в лице Алексея большой талант, но, естественно, муж не понял бы шутки. Он сам себя накручивал и не мог вовремя остановиться. Иногда скандал утихал, когда звонил телефон. Иногда начинался футбол по телевизору, и Алексей замолкал. Но бывали дни, когда Маргоша плакала и от обиды и от страха. Она не верила, что Алексей сможет её ударить или толкнуть хотя бы пока она была беременная. Но такой день наступил, причем момент был, вообще, не подходящий. Маргоша ночью поняла, что у нее начались схватки. Ведь такого за всю беременность с ней не было, чтобы вокруг талии будто плотно затягивался ремень, потом отпускал. Периоды между затягиваниями сначала были большими, и Маргоша даже удавалось уснуть. К утру эти интервалы сократились до десяти минут, и Маргарита Васильевна поняла, что надо ехать в роддом. Было воскресенье, Алексей посапывал на своей половине кровати. Маргоша тронула его за плечо.

–Леша!

Муж повернул к ней смятое от подушки лицо и прохрипел:

–А?

–Пора. Мне нужно ехать в роддом.

–Уже? Ты уверена?

–Да.

Алексей встал и пошел умываться, а Маргоша стала искать сумку, в которой уже давно лежали приготовленные для роддома вещи. Однако сумки нигде не было. Поиски затруднялись схватками, и во время них Маргоша ничего не искала, а складывалась пополам и кусала губы. Алексей вышел из ванны свежий, с расчесанными волосами, благоухающий одеколоном.

–Ты что ещё не готова?

–Я не могу найти свою сумку! Ты не видел ее? Большая синяя. Спортивная.

Маргоша снова замолчала, переживая очередную схватку. Алексей что-то раздражённо говорил, но она не прислушивалась. Не до этого. Но вот волна боли отпустила ее, и Маргоша вопросительно посмотрела на мужа.

–Оглохла ты? Сумку я в гараж вчера отнес. Это моя сумка! И я думал, что там мои инструменты лежат. Ты их вытащила? И где они? Тебе кто позволил брать мои вещи!

–О, боже! Ты совсем что-ли не соображаешь! Мне нужна была именно эта сумка! Она большая, и туда все поместилось! А-а!

Алексей подошёл к Маргоше, сидящей на краю кровати и, не зная, как причинить ей физическую боль, толкнул ее назад. Маргоша упала на кровать. На спину. Живот, ставший каменным и огромным, не давал ей возможности быстро подняться. Маргоша неловко перевернулась на бок и стала подниматься. Алексей с брезгливым выражением на лице наблюдал за ее попытками.

–Господи, да помоги ты! – на высоте схватки зло крикнула Маргоша.

Алексей помотал головой проверить не ослышался ли и подчинился приказу жены. До роддома супруги доехали, не произнеся ни слова. Маргоша сидела сзади, и Алексей в зеркало заднего вида поглядывал на ее залитое слезами лицо. Жена беззвучно плакала всю дорогу, только, когда боль донимала ее, она стонала и кусала губы. В приемном покое сказали, что Маргоша уже в родах и забрали ее. Алексей почувствовал себя осиротевшим и попытался вспомнить, что он делал, когда его первая жена рожала. Это было почти двадцать лет назад, так что шансов вспомнить было мало. Однако он вдруг вспомнил. Он тогда поехал к своей теще и пил у нее чай с ее знаменитыми масляными блинами. Теща тревожно поглядывала то на него, то на часы, и видно было, что присутствие зятя тяготит ее, но теща не смела его выгнать. Она давно была в статусе разведенной и всячески обхаживала Алексея, чтобы и ее дочь не оказалась без мужа. Теща боялась общественного мнения и вдоволь нахлебалась косых взглядов и обсуждений за своей спиной. Не сохранила семью, не сберегла семейный очаг! Алексей видел свою

тещу насквозь, понимал, что не является желанным гостем, но уходить не собирался. Ему было неспокойно, всё-таки первый ребенок у него. Остаться одному в такой день? Нет уж, увольте!

Теперь Маргоша рождает, и он снова один. В роддоме Маргарита Васильевна сначала вела себя деликатно, как и положено интеллигентной учительнице. После особенно громких стонов она извинялась перед привыкшим ко всему персоналом. Но потом все в ее голове перемешалось, и она превратилась в комок плоти, лишенный и разума и всякого намека на интеллигентность. Маргарита Васильевна едва помнила, как ей поставили капельницу, как подсоединили к ее животу датчики, как в предродовую палату подселили новую соседку. Потом подошёл молодой, весёлый доктор и слегка похлопал ее по щекам:

—Ну, всё, хватит отдыхать, поехали работать!

Маргарита Васильевна непонимающе уставилась на доктора. Ей хотелось попросить, чтобы ее или убили или сделали кесарево, что угодно лишь бы прекратить мучения. Только Маргоша во-первых уже давно не могла говорить, а лишь кричать от боли, а, во-вторых, она боялась, что кесарево это ещё страшнее и больнее, чем уже есть. К кровати подвезли каталку и велели на нее залезть. А доктор думал, что его слова смогут ободрить ее и сказал, чтобы она вспомнила об отце ребенка, который так ждёт этого малыша.

—Ах, какой отец ещё? Что вы говорите! — неосознанно возразила Маргоша и неуклюже полезла на каталку.

В родзале все было быстро и славно. Как только Маргоша ощутила, что ребенок выскользнул из нее словно лягушка, смазанная подсолнечным маслом, боли ушли. Краем глаза она увидела, как уносят краснокожего мальчика, и ее стало трясти.

—Ну, ну, успокойся, швы некрасивые будут... — причитала акушерка, которая зашивала Маргошу.

Маргарита Васильевна удивлялась тому, что совершенно не чувствует боли. Ее тело словно не принадлежало ей. После родов Маргоша чувствовала несказанное облегчение, наслаждение от того, что мучения остались позади, и тонким росточком пробивалось в ее сердце любопытство: как там сынок, что он, вообще, такое.

—Мой малыш здоров? — внезапно испугалась Маргоша.

Акушерка внимательно на нее посмотрела и сказала:

—Господи, я думала ты никогда про ребенка не спросишь. Здоров мальчик, здоров. Сейчас в палату тебя отправим, поспишь, в себя придёшь. А там и ребенка на кормление принесут, ещё просить будешь, чтобы забрали, — усмехнулась акушерка.

Так все и случилось. Едва голова коснулась подушки, как в сознание Маргоши ворвался целительный настоящий сон, а не то тяжёлое забытие, которое приходило к ней пару раз во время прошедшей ночи родов. Соседки по палате потом ей сказали, что она что-то говорила и говорила прежде, чем уснуть, но Маргарита Васильевна этого не помнила. После сна принесли мальчика, уже туго запеленутого, с опухшим личиком и глазками-щелками. Маргоша не знала, как взять его, как держать, но когда он вдруг заплакал, какая-то неведомая ей сила заставила тут же приложить его к груди. Малыш перестал плакать, зато Маргоша начала. Лицо стало мокрым от слез. Было ужасно больно, а ведь Маргоша думала, что вся боль осталась в родильном зале. Соседка по палате с завистью смотрела Маргариту Васильевну:

—Не первый ребенок у тебя небось?

—Почему? — тихо спросила Маргоша. Только бы не спугнуть малыша и не разрушить тот контакт, который вдруг установился между ними.

—Кормить умеешь. А мой ребенок не берет грудь, и я не знаю, что делать. Дочка сейчас проснется и начнет истерить, как в утреннее кормление.

Подтверждая слова соседки, туго спеленутый свёрток возле ее груди проснулся и стал жалобно плакать.

–Попробуй у медсестры на посту совета спросить, я и сама не знаю, как у меня получается. А сын у меня первый и... единственный.

После кормления Маргоша отдала малыша медсестре и снова заснула. Потом приходила мама, и Маргоша со слезами на глазах рассказывала ей, сколько она страдала во время родов, как ей было больно и страшно, и почему ее никто не предупредил о том, что так будет.

–А мальчик как? Здоров?

–Да.

–Имя придумала?

–Нет.

Маргарита Васильевна очень устала жаловаться и ее потянуло снова в палату. Она едва стояла на ногах и стала отвечать односложно.

–Когда тебя выпишут?

–Не знаю. Не хочу домой...

Зато соседки по палате очень стремились выписаться. Одни боялись, что дом грязью зарастёт без них, другие переживали, что муж от рук отобьется; третьи очень хотели фотографии с выписки, когда малыш в белоснежном конверте, перевязанный ленточкой подходящего цвета, а молодая мать снова стройная и счастливая. Маргоша тоже ощущала себя худенькой, какой была до беременности, но она домой не хотела. В роддоме за ребенком ухаживали, обмывали и пеленали, а она могла спокойно спать ночами и выполнять свой материнский долг только во время кормлений, то есть четыре раза в день. У Маргариты Васильевны всегда перед глазами стоял образ замученной молодой матери с ребенком на руках, которая вынуждена обслуживать ещё и большого ребенка – мужа. По этой причине ее абсолютно не тянуло домой. Она, вообще, никогда лучше бы туда не возвращалась. Она бы лучше жила с матерью и с малышом. Зачем ей муж? Зачем ей Алексей? Пусть он приходил в роддом, пусть он с умилением смотрел на своего сына, пусть он не сказал ни одного грубого слова, Маргоша его не любила. Однако мысль о том, чтобы не возвращаться в Серебристую у к законному мужу была слишком фантастической, чтобы о ней всерьёз размышлять. Что люди скажут? Что мама скажет? Ее осудят. Ее не поймут. О таком Маргоше было жутко даже подумать. Она всю жизнь прожила с оглядкой на других, что теперь было начинать жить по-другому? Все так живут, засунув клык себе в рот. Только малыша жалко. Маргарита Васильевна смотрела на крохотные пальчики со складками-черточками и удивлялась тому, как несправедливо устроен мир. Она хотела бы для своего сына другого отца, но придется растить ребенка с Алексеем. В день выписки Алексей следовал четко установленным правилам. Военный! Как сказали, так и делает. Медсестрам – конфеты и шампанское, акушеркам и жене – цветы. День был солнечный. Маргоша стояла, одетая в нарядную блузку, которую привезла мать, и наблюдала, как ловко медсестра пеленает ее сына. А она так боялась, что он будет рыдать, пока его крутят-вертят, но он даже не пикнул, потому что не проснулся. Запомнить, как его пеленали, Маргоше не удалось. Слишком быстро и ловко. У нее так не получится поначалу, а когда начнет получаться, ребенка пеленать уже не понадобится. Так мать ей сказала. Хотела пошутить, подбодрить Маргошу. Потом они вчетвером ехали в машине, о чем-то мирно беседовали, и Маргарита Васильевна подумала, может, все обойдется? Может, её предчувствие неминуемой беды это всего лишь сверхчувствительность беременной женщины? Дома было чисто прибрано, в углу стояла собранная кровать для малыша. Маргарита Васильевна долго не могла выйти из машины. Ей казалось, что на улице ребенку небезопасно. У него такая тонкая кожа, он такой беззащитный. Ей хотелось, чтобы никто не видел малыша: ни соседи, ни случайные прохожие, ни солнце, никто и ничто. Слава богу, никто и не встретился на их пути в квартиру. Как только Маргоша положила малыша на их двуспальную кровать, он начал плакать. Тогда она схватила ребенка снова, одной рукой стащила с себя свитер и приложила сына к груди. Он уже не был так плотно запеленут, как в роддоме, и Маргоша ощущала, насколько сын хрупкий. Головка совсем не держится. Она боя-

лась его сломать одним неосторожным движением. Краем глаза Маргоша заметила, как озадаченно на нее смотрела мать и Алексей. Но ей было все равно. Главное, что малыш не плакал. Когда он снова заснул, Маргоша аккуратно положила его в детскую кроватку.

–Ты что при любом писке будешь его кормить? – шепотом спросила мать.

–Я не хочу, чтобы он плакал.

–Ребенку нужен режим.

–Я сама знаю, что ему нужно.

Малыш закричал, и обе женщины замолчали, продолжая общаться глазами. Алексей громко позвал женщин пить чай на кухню. Маргоша застыла от подобного нахальства, но оглянувшись на сына, увидела, что тот даже не проснулся.

–Как вы его назовете? Это не дело, что мой внук уже неделю без имени! – прошептала мать Маргариты Васильевны.

Маргоша отхлебнула чуть темную горячую воду, которую Алексей именовал чаем. Видимо, с тех пор, как она легла в роддом, чай в их доме никто не заваривал. Маргоша тоскливо обвела глазами кухню. Снова над ней повисла готовка, уборка квартиры, мытье посуды, а она в роддоме так отвыкла от этого.

–Мы его назовем Олег, – провозгласил Алексей, – Вещий Олег! Ты не против, Маргарита?

Олег, так Олег. Пусть будет такое имя. Все равно. Главное то, что она любит больше всего на свете этот маленький свёрток, который недавно и вовсе не существовал. Главное, что она ощущает тяжесть в груди на малейший звук, который издает ее малыш. Олег. Олечка. Потом мама уехала, и начались их с Алексеем будни. В первый же вечер, несмотря на то, что дома появился малыш, Алексей вспомнил про свой дурной характер. Сначала Алексей долго наблюдал за Маргошей и ее неумелыми попытками помыть дитя. Вместо того, чтобы помочь хотя бы своим отсутствием, он стоял над душой и давал противоречащие друг другу советы.

–Ты бы хоть у матери спросила, как мыть его!

Маргоша очень нервничала и хотела только, чтобы ребенок не плакал. Но он плакал, и все валилось у нее из рук: и темный пузырек с марганцовкой и градусник для измерения температуры воды, и выглаженное с двух сторон полотенце. В итоге малыш был в воде от силы минуты две, потом она показалась Маргоше чересчур прохладной.

–Ничего! Пусть сразу закаляться начинает!

–Ну не с первого же дня! – возразила Маргоша.

Все, о чем она мечтала в эту секунду, чтобы Алексей испарился без следа. С каким наслаждением она бы постигала мудрости ухода за ребенком. Толстая книжка Спока была прочитана ею до дыр, и в теории Маргоша была подкована отменно. Она знала, что следуя книге, сможет гораздо больше времени уделять ведению хозяйства. Популярный автор советовал приучать ребенка к самостоятельности чуть ли не с самого первого вздоха. В книге была описана успешная практика, которая позволяла спокойно спать родителям, спокойно переносить истерики, вообще, спокойно относиться к своему материнству. И пока малыш не появился на свет, Маргоша считала совет "дать поплакать" совершенно разумным. Однако на деле все оказалось не так, как в книге. Первые дни Маргарита Васильевна не могла даже толком выйти на прогулку с ребенком. Стоило ей начать одевать Олечку, он просыпался и, естественно, плакал.

–Так дай ему соску! – хмурился Алексей.

Соску Олег не любил, с негодованием выплевывал и заходился в плаче ещё громче. Малыш признавал только грудь, и Маргоша снова и снова брала его на руки, не успев одеть на ребенка ничего, кроме ползунков. Поэтому сборы на прогулку растягивались на час, а то и на два. Однажды навестившая Маргошу мать не выдержала и, несмотря на протесты и младенца и Маргоши, туго запеленала ребенка, пока он пищал и сучил ножками.

–Выбирай из двух зол меньшее! Ему нужно свежим воздухом дышать? Нужно. Значит, бери и одевай. А так и себя измучила и его. Пошли.

Маргарита Васильевна что-то пробормотала в ответ, но была несказанно благодарна матери за проявленную ею твердость. На улице было хорошо. Ребенок сразу замолк, стоило качнуть пару раз коляску. Маргоша дышала полной грудью. Мир расширился от квартиры до целой улицы. Маргоша первые минуты чувствовала себя незащищённой, но потом привыкла. Главное, держаться на людях строго и деловито, они и не поймут, что у нее в душе кавардак. Прохожие узнавали ее, здоровались и все норовили заглянуть в коляску, где скрытый двумя слоями марли, спал ее малыш.

–Надо, чтобы ему на личико хотя бы один лучик солнца попал, – сказала мать и убрала марлю.

Маргоша стерпела, но понимала, что она права. Чужие взгляды казались ей опасными. Вдруг кто-то сглазит малыша, вдруг у нее молоко пропадёт. Кстати, оно и пропало через пару месяцев. Просто Алексей держал в себе недовольство, а потом выплеснул:

–Как не приду, ты лежишь! Ты, вообще, хоть что-нибудь по дому делаешь? У других, вон, жены и первое и второе подают, когда муж с работы возвращается, а ты что?

–Я тебе дала суп. А лежу я потому, что твоему сыну так удобнее молоко пить, – Маргоша почувствовала, как из глаз покатались крупные капли обиды.

–Сегодня суп, вчера суп! Этому супу уже неделя скоро будет!

–Не кричи... Олег проснется.

–Ты раньше ведь нормально готовила! Почему лениться начала?

–У меня раньше детей не было! Как тебе не стыдно! Я не ленюсь, я не успеваю!

–Мне зубы не заговаривай! Я знаю, что такое малыш в семье, ты забыла про мою дочь? Жена все успевала, а не носилась со своим грудным молоком! Ребенок прекрасно смеси ест! Что за блажь эти твои бесконечные кормления! Лишь бы лежать на кровати по целым дням!

Алексей покраснел и охрип от своего крика. Малыш проснулся и начал плакать. И Маргоша вдруг поняла, что хочет исчезнуть из этой квартиры. Насовсем. Пусть останутся вдвоем эти двое, у нее просто нет сил утешать одного и обихаживать другого.

Маргоша выскочила из квартиры в одном халате и тапочках, благо, что на улице была ранняя осень. Деревья стояли обвешанные желтыми и оранжевыми листьями, трава помялась от участвовавших дождей, синее небо провожало косяки птиц. Маргоша глубоко вдохнула осенний воздух и села на скамейку у подъезда. Куда это она выбежала? Что на нее нашло? Надо вернуться, но сил нет, зато какое-то упрямство держит ее на улице, не даёт сдаться и зайти в дом. Со школы возвращались ученики: первоклашки с огромными ранцами, неуклюжие долговязые подростки и ладные симпатичные девчонки. Маргоша не хотела, чтобы ее заметили, но было поздно.

–Здравствуйте, Маргарита Васильевна! – закричало несколько голосов.

–Здравствуйте, ребята, – Маргарита Васильевна приосанилась и поправила растрёпанные волосы. Как будто это могло скрыть ее странное появление на улице в домашнем халате тапочках на босу ногу. Хорошо хоть у детей свои проблемы и им некогда задумываться о взрослых. Маргарита Васильевна перевела дух, но тут вдруг увидела учителя по математике, того самого, с кем у нее был неудачный роман. Он показался ей постаревшим лет на десять, весь какой-то неопрятный, полностью поседевший, с обрюзгшим несвежим лицом, зато, как обычно, в сером костюме с пылью от мела на рукавах пиджака. Да, она и сама, наверное, уже не выглядит цветущей, румяной и юной. Сегодня утром в ванной из зеркала на нее смотрела женщина с темными кругами под глазами и ртом, который забыл, как улыбаться.

–О, какие люди! – математик изобразил на лице радость и направился к ее скамейке.

Маргарита Васильевна сжалась и захотела стать невидимкой.

–Воздухом вышла подышать? Молодая мамочка, а? Когда на трудовые подвиги?

–Здравствуйте, – ответила Маргоша на приветствие.

–А чего вдруг на "вы"? – удивился мужчина.

–Не знаю сама. Не выпалась... Как дела в школе?

–Да все так же. Звонки, уроки, перемены, ты же знаешь. Ничего нового. Тебя не хватает только, – математик улыбнулся. Седая щетина выглядела болезненно. Казалось, если к ней прикоснуться, то на кончиках пальцев выступит кровь. Маргарита Васильевна поежилась. Всё-таки в халате было прохладно.

–Я пойду. Передавай привет коллегам, – Маргоша почти скрылась в подъезде.

–С мужем хорошо живёте? – вдруг спросил мужчина.

Маргоша удивлённо обернулась. Вопрос ей совсем не понравился. Неужели, судачат о ней в школе? Вроде, она повода не давала. Или этот старый дуралей почуял чего-то?

–У нас все хорошо, чего и тебе желаю! – Маргоша взлетела на ступеньки, проклиная свою обидчивость.

Дверь в квартиру оказалась заперта. За ней слышался жалобный плач ребенка. Маргарита Васильевна позвонила, потом ещё раз, потом стала стучать, но дверь не открывали. "Хорошо, что в такой час обычно никого из соседей в подъезде быть не должно": Маргарита Васильевна подумала про себя и продолжила стучать. Потом ей стало почти безразлично, что кто-то может услышать ее крики.

–Леша! Открывай сейчас же! Леша! Что же ты делаешь! Что же ты делаешь, гад!

Маргарита Васильевна прижалась спиной к двери и стала долбить в дверь ногой. От плача ребенка ее горло свела судорога. Маргоша сползла по двери вниз. Внезапно дверь открылась и Маргоша ввалилась в квартиру, упав на пол.

–Еще раз так надолго уйдешь, больше не пущу! – жёстко сказал Алексей.

Маргарита Васильевна заставила себя не отвечать ему и рванула в комнату к малышу. Она взяла его на руки и приложила к своей полной груди. Ребенок вроде суетливо принялся поглощать молоко, но вдруг отвернулся и жалобно захныкал, чего с ним никогда ни бывало. Он никогда раньше не бросал грудь до тех пор, пока не насытится. Может, в молоко горечь обиды проникает? С того дня Олежка не пил материнское молоко, отворачивался и кривился, словно разлюбил и молоко, и мать. Маргоше тяжело пришлось в эти дни. Молока было много. Грудь ныла и горела. Пришлось обращаться в амбулаторию за медицинской помощью, а малыша переводить на смеси. Он не пил даже не сцеженное молоко из бутылочки. Маргарита Васильевна смотрела на голодного ребенка и ее глаза застилали слезы. Если бы Алексей в те дни сказал ей хотя бы одно дурное слово, то она бы не выдержала. Она бы взяла ремень и отхлестала бы его по вечно недовольному лицу, по глазам, в которых нет любви, по рукам, ударов которых она привыкла бояться. Алексей понимал, что происходит что-то важное, что он как-то к этому причастен, но по своей душевной ограниченности, не понимал, где напортачил. Ему иногда казалось, что Маргарита Васильевна должна быть счастлива. У нее все есть: квартира, машина, работа, достойный муж, который неплохо зарабатывает, почти не пьет. А то, что они ругаются, так это вполне нормально. Где нынче семьи, в которых тишь да гладь? Алексей был трусоват по натуре, и чувствовал, что Маргоша на грани. Неужели из-за того, что пропадает у женщины молоко, можно так убиваться? Тяжело понять женщин. Можно прекрасно кормить ребенка смесями. Его дочка была пухлая, румяная. Он до сих пор помнит тяжесть ее тельца, а ведь первая жена не кормила грудью ни дня. Сразу у них на кухне поселились пачки с растворимым порошком и миллион бутылочек...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.